

*А. С. Колесников**

К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В КИТАЕ: ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Б. РАССЕЛА**

В статье анализируется роль политического учения Б. Рассела в распространении социалистического учения в Китае. В этой стране социалистические идеалы связаны с проникновением туда сведений о марксизме в начале XX века, переводом неполных работ классиков марксизма. Часто социалистические идеи представляли собой утопические идеи народничества и анархизма, социал-дарвинизма и позитивизма, суньятсенизма и большевизма. При сложном переплетении мировоззренческих и социально-психологических течений китайская интеллигенция в это время интенсивно изыскивает пути приобщения к мировой культуре, идеологии, литературе. Поток новых идей и взглядов на жизнь, общество, личность хлынул в Китай благодаря огромным усилиям просветителей. Движение за новую культуру было выражением буржуазной идеологии эпохи империализма, отражением которой являлись, например, философские, политические и педагогические взгляды Бергсона, Дьюи и Рассела. Гильдейский социализм, который приобрел известность в Китае после лекций Рассела, прочитанных здесь в 1920–1921 гг., и работ мыслителя, изданных в прогрессивной китайской печати и в журнале «Синь циннянь». Китайскую интеллигенцию подкупало демонстрируемое Расселом уважение к китайской культуре: в своих выступлениях он восхищался китайской поэзией, увлекался учениями Лао-цзы, Чжуан-цзы и Конфуция. Рассел неоднократно говорил, что Китай должен сам найти свой путь, что только сами китайцы могут прийти к правильному выбору пути развития своего государства.

Ключевые слова: социалистические идеи, утопизм, анархизм, суньятсенизм, Б. Рассел, гильдейский социализм.

A. S. Kolesnikov

ON THE HISTORY OF THE SPREAD OF SOCIALISM IN CHINA: THE INFLUENCE OF THE POLITICAL DOCTRINE OF B. RUSSELL

The article analyzes the role of the political doctrine of B. Russell in the dissemination of socialist doctrine in China. In the country, socialist ideals are associated with the penetration of

* Колесников Анатолий Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет; Русская христианская гуманитарная академия; kolesnikov1940@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00542 «Бертран Рассел в России: эволюция рецепций и современные дискуссии».

information about Marxism in the early twentieth century, the translation of incomplete works of the classics of Marxism. Often socialist ideas represented the utopian ideas of populism and anarchism, social Darwinism and positivism, Sunyatsenism and Bolshevism. With the complex interweaving of ideological and socio-psychological currents, the Chinese intelligentsia at this time is intensively looking for ways to familiarize themselves with world culture, ideology, and literature. A stream of new ideas and views about life, society, and personality poured into China thanks to the great efforts of educators. The movement for a new culture was an expression of the bourgeois ideology of the imperialist era, reflected, for example, the philosophical, political and pedagogical views of Bergson, Dewey and Russell. Guild socialism, which gained fame in China after the lectures of B. Russell, given here in 1920–1921, and the works of the thinker published in the progressive Chinese press and in the magazine “New Youth”. The Chinese intelligentsia was captivated by the respect for Chinese culture demonstrated by B. Russell: in his speeches he admired Chinese poetry, was fond of the teachings of Lao Tzu, Zhuang Tzu and Confucius. Russell has repeatedly said that China must find its own way, that only the Chinese themselves can come to the right choice of the path of development of the state.

Keywords: socialist ideas, utopianism, anarchism, Sunyatsenism, B. Russell, guild socialism.

Социалистические идеалы имеют давнюю историю. Когда-то они были лишь мечтой о будущем, фантастическим преломлением окружающей действительности в сознании трудящихся. Социалистические утопии отражали современный им уровень знания и опыта людей. После Маркса и Энгельса социализм превратился из утопии в науку, но мечта об идеальном обществе живет в каждом народе, и китайская нация не составляет исключения [8].

Первые сведения о марксизме как социалистическом учении проникают в Китай в начале XX века. В 1902 г. в работе по социологии Б. Кида упоминается имя Маркса и его учение. В 1903 г. переводится книга японского автора Фукуи Юндзо «Современный социализм», а Лян Цичао в статье «Китайский социализм» дает первую характеристику учения Маркса, отметив, что требование национализации земли якобы известно в Китае с древности. В 1906 г. были опубликованы краткие биографические сведения о Марксе, Энгельсе, Лассале и некоторые фрагменты из «Коммунистического манифеста». В 1907 г. вышла работа с краткой характеристикой течений социалистической мысли на Западе, в которой марксизм подвергался критике как социализм «узкий» [3, с. 3–5]. Неполные переводы работ Энгельса опубликованы в 1908 г. («Происхождение семьи, частной собственности и государства») и в 1912 г. («Развитие социализма от утопии к науке»). В последующие годы, вплоть до 1918 г., пропаганда социалистических идей значительно ослабла. По существу, они представляли различные утопические идеи народничества и анархизма. В этих идеях, а также в социал-дарвинизме и позитивизме передовая интеллигенция Китая искала в те годы ответы на многие социальные вопросы.

Общественная мысль Китая начала 20-х годов характеризуется сложным переплетением мировоззренческих и социально-психологических течений. После Синьхайской революции 1911 г., установления в 1912 г. буржуазной республики и в годы Первой мировой войны в печати разгорелись споры о том, на какую культуру надо ориентироваться новому поколению. Китайская интеллигенция в это время интенсивно изыскивает пути приобщения к мировой культуре, идеологии, литературе. Поток новых идей и взглядов

о жизни, обществе, личности хлынул в Китай благодаря огромным усилиям просветителей. С самого начала здесь эклектически соседствовали анархические и народнические представления о крестьянстве, его особом предназначении в истории с постулатами древних китайских философов. В поисках путей развития Китая одни отдавали предпочтение западной, «материальной», другие — отечественной, «духовной», культуре. Революционные демократы Чэнь Дусю и Ли Дачжао считали необходимым как можно шире использовать в Китае достижения западной культуры, науки и демократии.

Китай того времени — огромная страна с застойными полуфеодальными отношениями, закабаленная империалистическими государствами, эксплуатировавшими её отсталость. 1 млн 200 тыс. деревень, океан крестьянских хозяйств, по преимуществу мелких арендаторов, задавленных феодальными повинностями. Многочисленная мелкая буржуазия в городах. Хронический голод. Аграрный вопрос и освобождение от империалистической зависимости как главные проблемы национальной жизни Китая определили характер нарастающей аграрной и национально-освободительной революции.

Суньятсенизм, характеризующийся как народничество, являвшийся идейным и политическим знаменем радикальных элементов мелкой и национальной буржуазии, переживал в этот период глубокий кризис. Сунь Ятсен и его соратники не смогли сформулировать новую программу последовательных антифеодальных и антиимпериалистических преобразований, которые соответствовали бы потребностям прогрессивного развития страны. Они и не стремились поднять на борьбу и организовать широкие народные массы. Сунь Ятсен недооценивал их роль в борьбе за новый Китай, а без поддержки масс у него и его соратников не было достаточных сил, чтобы успешно противостоять натиску феодально-милитаристской реакции. Передовых представителей китайского общества крайне беспокоило политическое бессилие страны перед империалистическими державами, стремившимися закабалить Китай. Угнетало сознание того факта, что китайский народ, создатель и носитель высокой и древней культуры, живет в нищенских условиях. Сунь Ятсен считал бедной всю нацию в целом, в которой якобы не было капиталистов, мечтал о построении социализма путем привлечения иностранного капитала, высказывал предположение, что сочетание этих двух сил ускорит развитие будущей мировой цивилизации [15, с. 321].

На основе глубоких экономических и социальных изменений в Китае в это время происходили существенные политические сдвиги. Мировая война для Китая, не испытавшего всех её тягот, послужила толчком к буржуазному развитию, подъему национального самосознания, была периодом экономического расцвета. Европейские милитаристы, увязшие в войне, несколько ослабили экономическую экспансию в Китае. Это создало относительно благоприятные условия для более быстрого развития китайской национальной промышленности. Выросла численность рабочего класса и национальной буржуазии. Фабрично-заводской пролетариат к 1919 г. насчитывал до 3 млн рабочих, в ремесленном и кустарном производстве было занято 12 млн. Вся армия наёмного труда составляла примерно 50 млн. человек, из них 30 млн. в сельском хозяйстве [13, с. 8].

Ослаблением экспансии европейских капиталистов воспользовались японские империалисты, захватившие огромную территорию Китая с немецкими концессиями. Япония добилась здесь широких экономических и политических привилегий. Усиливающаяся агрессия японского милитаризма и предательские действия правительства Юань Шикая и Дунь Цишюа создали угрозу для существования Китая как самостоятельного государства. Американская политика в Китае отличалась усиленным вниманием к методам идеологического воздействия: обучение китайцев из богатых семей в США, создание университетов и колледжей в Китае (в 1920 г. из 16 китайских университетов 8 были американскими), всячески поощрялась миссионерская деятельность. Содействуя развитию либерально-реформаторских, «западнических» идей, США приобретали определенную социальную опору в стране.

Сохранение колонизаторских привилегий в Китае было основой устремлений Лондона. При этом английские капиталисты рассчитывали на полубоковое соглашение с Японией в дележе Китая, считая завоевание ею китайского рынка естественным и законным [17, с. 39, 42]. Однако империалистов беспокоило нарастание революционных настроений в Китае, пробуждение великих сил, растущая решимость завоевать себе место в мире. Эту «взрывчатую и ненаправляемую энергию» они стремились взять под свой контроль, иначе «Китай найдет свое собственное решение». Опасения колониалистов были обоснованными. В связи с окончанием Первой мировой войны и победой социалистической революции в России вопрос о пути развития Китая (русский или западный, пролетарский или буржуазный) стал предметом острой полемики среди китайской интеллигенции. Формировавшиеся тогда новые наиболее сознательные демократические силы мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции остро переживали беды и унижения Китая. В идейном и политическом отношении часть прогрессивной интеллигенции не удовлетворялась теорией и практикой суньятсенизма. Многие её представители не видели иного выхода для страны кроме постепенных буржуазных реформ и следования по пути капиталистического Запада. Некоторая часть молодой буржуазной интеллигенции увлекалась позитивизмом, другая — анархизмом, третья — всевозможными реакционными идеалистическими теориями. И лишь отдельные её представители искали пути избавления Китая не только от господства феодально-милитаристской реакции и иностранного империализма, но и от пороков капиталистической системы. Огромную роль сыграл в формировании демократических и революционных сил первый марксист Китая и один из основателей Коммунистической партии Китая (далее — КПК) Ли Дачжао (1889–1927).

После окончания Первой мировой войны в Китае ждали Парижской мирной конференции. Её итоги и подписание Версальского договора наглядно показали лживость заявлений буржуазных политиков о демократии и гуманизме, об уважении прав малых и слабых народов. Непосредственной реакцией на решения Парижской мирной конференции была демонстрация пекинских студентов 4 мая 1919 года, послужившая началом нового этапа национально-демократического антиимпериалистического движения. Одним из важных итогов этого движения был поворот передовых элементов китайского общества к изучению марксистского учения, освоению опыта русской

революции и формированию движения за социалистическую идеологию. Стали распространяться социалистические идеи Маркса, Кропоткина, Бакунина. Одновременно происходит пересмотр традиционного конфуцианства. Одни считали его тормозом развития общества, другие, наоборот, призывали к возврату в лоно старого конфуцианства, в котором они видели спасение от всех зол современности. Началась полемика между сторонниками журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»), вокруг которого группировались демократические силы Китая, и его противниками об отношении к прошлой культуре. Это и обусловило сложное переплетение сил и устремлений движения за новую культуру и идеологический подъем после событий «4 мая». В данном движении выделялись три основных аспекта.

Во-первых, по отношению к старой культуре и феодальной науке движение за новую культуру явилось выражением буржуазно-демократических общественно-политических и морально-этических взглядов. Это было продолжение и развитие основных традиций журнала «Синь циннянь». С началом широкого движения за новую культуру центр художественной жизни переместился на несколько лет из Шанхая в Пекинский университет. В его стенах наиболее интенсивно шла выработка новых духовных ценностей. Этому во многом содействовали лекции по философии видных мыслителей Запада того времени — Дьюи и Рассела, а также курс по современной западной живописи, который вел большой знаток живописи, смелый экспериментатор и учёный Лю Хайсу (1896–1994) [7, с. 289].

Во-вторых, движение было выражением буржуазной идеологии эпохи империализма, отражением которой являлись, например, философские, политические и педагогические взгляды Бергсона, Дьюи и Рассела. Их идеи олицетворяли «новую культуру» того периода и в течение некоторого времени были очень модными. Их пропагандой занимались тогда многие известные газеты и журналы.

В-третьих, по отношению ко всему культурному наследию прошлого, движение за новую культуру содержало в себе элементы социализма. Отношение к социализму было главным предметом дискуссии среди широких слоёв прогрессивной молодежи [4, с. 75–76]. Она осознала, что Китай намного отстал в своём политической и экономическом развитии от других стран мира и дальше жить по старинке было нельзя. Цюй Цюбо отмечал, что все хотели помочь обществу, которое поражено каким-то пагубным, но неизвестным недугом, но как его излечить — этого они себе не представляли [24, с. 39]. Одни предлагали совершить его перестройку на основе образования, другие — путём развития торговли и промышленности, третьи — на основе привития народу навыков самоуправления. Все при этом основывались на идеях социализма. Разъяснение основных положений марксизма и социализма, освещение различных сторон деятельности российских коммунистов шло без открытой полемики; статьи о социализме, марксизме мирно уживались с популяризацией европейских, американских и японских философов-идеалистов, буржуазных гуманистов и просветителей. Официальные власти тоже не предпринимали никаких полицейских мер для прекращения марксистской пропаганды. Однако растущее влияние социа-

листических идей среди китайского студенчества заставило противников марксизма выступить против идей социализма.

20 июня 1919 г. в газете «Мэйчжоу пиньлунь» была опубликована статья Ху Ши, поклонника Запада и прагматизма Дьюи, — «Больше заниматься конкретными проблемами, меньше говорить об “измах”!». Не упоминая терминов «социализм» и «большевизм», он ополчился против них, считая их «пустой болтовней», которая будто бы отвлекает общественность от рассмотрения конкретных злободневных вопросов и тем самым мешает их скорейшему разрешению. Ху Ши предлагал медленный, эволюционный путь развития Китая и резко осуждал революционный метод.

Это выступление популярного в Китае идеолога и писателя не прошло незамеченным. Против его взглядов выступил Лань Чжисянь и Ли Дачжао. В рамках данной дискуссии — первого литературного боя между марксистами и их противниками — обсуждался вопрос об отношении к социализму, о его признании. Призыв Ли Дачжао к глубокому изучению социализма и к исследованию конкретных проблем с позиций марксизма вскоре получил политическую актуальность, чему способствовала публикация в китайской печати в апреле 1920 г. «Обращения правительства Советской России к китайскому народу» от 25 июля 1919 г. После решений мирной конференции в Париже, ущемляющей национальное достоинство китайского народа, до публикации «Обращения Советского правительства» прошло около года, но для китайской общественности это была целая эпоха. «Надежды, похороненные в Париже, обрели новый смысл, воскресли с новой силой благодаря обращению Москвы. Оно возродило энтузиазм активной, демократической части китайского общества и намного укрепило, и расширило интерес к социализму и марксистскому учению. Китайская интеллигенция стала решительно поворачиваться в сторону России» [3, с. 28–29; 11].

Воспринимая победу Октября как торжество идей национализма, китайская демократия желала найти ключ к национальному возрождению Китая, связывая свои мечты с освоением опыта русских коммунистов. Внешнее сходство России и Китая приводило её, в том числе и китайских марксистов, к выводу о том, что победа в Китае будет достигнута легко. Это мешало им обстоятельно проанализировать причины, позволившие пролетариату во главе с большевиками одержать победу в России. Опыт предреволюционной борьбы большевиков им не был доступен, как и работы их лидеров. Ли Дачжао, отстаивая «русский путь» национального освобождения и возрождения Китая, представлял смену капитализма социализмом как торжество принципа взаимопомощи (сформулированного Кропоткиным) принципом борьбы и конкуренции. Понятия «Россия», «большевизм», «социализм», «марксизм» в сознании многих китайцев были слиты воедино нерасторжимо. В это время интенсивно пропагандировались буржуазными интеллигентами теории «классового сотрудничества», «всеобщей гармонии». Гуманистические принципы социализма противоречили абстрактному гуманизму этих теорий, их буржуазно-националистической направленности. Попытки марксистского осмысления названных вопросов были спорадическими, нечеткими и потому прямо ещё не приводили общественное мнение Китая к теории научного соци-

ализма. С философией марксизма знакомились отрывочно, по фрагментарным публикациям, зачастую огрублявшим и вульгаризировавшим идеи классиков марксизма. Поэтому вульгаризацию принимали за подлинный марксизм. Социализм объясняли наивно, без глубокого основания. И в этом сложном положении китайские марксисты-интернационалисты отдавали себе отчёт в том, что перед ними стоит задача использовать стихийную тягу к социализму в Китае для марксистского осмысления перспектив и возможностей революционного преобразования полуфеодальной страны, найти специфическую форму соединения научного социализма со стихийным протестом и борьбой трудящихся масс страны.

Распространение марксизма в Китае сталкивалось с большими трудностями.

1. Популяризаторы марксизма должны были сами постичь сущность пролетарской идеологии и убедиться в её применимости к условиям китайской действительности.

2. Экономические и политические полуфеодальные производственные отношения, неустоявшиеся демократические традиции, отсутствие организованного рабочего движения и малочисленность пролетариата — все это тормозило распространение научного социализма.

3. Проникающие извне социалистические идеи сталкивались с традиционным недоверием ко всему иностранному, якобы не могущему привиться на китайской почве [3, с. 13]. Переоценка ценностей, происходившая в Китае, стремление понять Запад и Россию стимулировали восприятие научного социализма как практического средства ликвидации старого и построения нового мира, но он часто соединялся с конфуцианством и учением Лао-цзы.

4. Представления о социализме были расплывчатыми. Помимо научного социализма в это понятие произвольно включали что угодно: от утопического социализма Сен-Симона и Фурье до принципов создания новых поселений Мусьякодзи Санэацу и толстовских принципов упрощенческого понимания труда, от анархизма до синдикализма, от ревизионизма до гильдейского социализма [4, с. 76]. Марксистские теории довольно часто отождествлялись с вульгарным экономизмом, анархизмом, народничеством. Крестьянская ограниченность проявилась в сильных тенденциях к уравнительному социализму. Ещё на VI съезде КПК в 1928 г. отмечалось, что многие в Китае под социализмом разумеют всеобщую уравнительную делёжку [16, с. 17]. До 1921 г. были и такие интеллигенты, которые считали большевизм составной частью анархизма, не относили его к марксизму. Некоторые китайские социалисты в 1919–1920 гг. считали, что участие социализма включает две части: коллективизм, т. е. марксизм, и коммунизм, т. е. анархизм Кропоткина. [25, р. 245].

5. В этот период терминология не отличалась строгостью. Примитивные взгляды на социализм были распространены в КПК до 40-х гг. Марксистские идеи распространялись в условиях исключительной засоренности взглядов идеалистическими представлениями и идеями, ничего общего не имеющими с марксизмом. Опасность появления искаженных интерпретаций марксизма была реальной, и она дала себя знать. Но именно на этой литературе, смутное и нечетко освещающей многие вопросы теории и практики марксизма,

воспитывалось целое поколение китайских коммунистов, стремившееся построить у себя социалистическое общество. Однако с самого начала были силы, пытавшиеся теоретически и практически направить развитие страны по «особому» национальному пути построения социализма в Китае. На эти силы оказали огромное влияние работы весьма далёких от марксизма, но смело пользовавшихся марксистской фразеологией авторов. По своей социальной природе большинство китайских коммунистов относилось к слою мелкобуржуазных революционеров со всеми присущими ему недостатками. Поэтому можно понять, что пересмотр к концу 30-х гг. теоретических и политических основ КПК в духе «идей Мао», преподносимый как «китаизированный марксизм», многими был понят как «соединение теории марксизма-ленинизма» с «практикой китайской революции».

6. Вполне естественно, что распространение идей социализма в Китае и рост интереса к Советской России не только вызвал тревогу среди представителей империалистических держав в стране, но и сопровождался сложной идейно-теоретической борьбой, острыми дискуссиями среди различных слоёв населения. Одна из них — «дискуссия о социализме», продолжавшаяся в общей сложности более года и коснувшаяся широких кругов китайской интеллигенции. Она затронула коренные вопросы о путях дальнейшего развития Китая и средствах изменения общественного строя и закончилась победой марксистов. Дискуссия о социализме внесла важный вклад в дело распространения марксизма-ленинизма в Китае, подготовила почву к созданию КПК. Этому в огромной степени способствовала публикация переводов работ классиков марксизма-ленинизма: наиболее полного перевода «Капитала» (ноябрь 1919), «Манифеста Коммунистической партии» (1-я глава — ноябрь 1919, полностью — апрель 1920), 3-й части «Анти-Дюринга» (декабрь 1920), «Предисловия» «К критике политической экономии» (январь 1921). (Полный перевод «Капитала» Маркса, «Анти-Дюринга» Энгельса, «Развития капитализма в России» Ленина и некоторые другие работы были изданы в Китае на китайском языке только в 1940 г. [22].)

Студенчество и народная интеллигенция, отмечал Цюй Цю-бо, испытывали безграничный интерес к дискуссии по вопросам социализма, их идеи напоминали во многом взгляды русской молодежи 40-х годов XIX в. Представления о социалистических течениях, о сути социализма были весьма путанными и туманными. В большинстве своём это были культурно-просветительские устремления, ориентирующиеся даже на опыт «хождения в народ» русских народников [24, с. 40; 21].

После движения «4 мая» 1919 г. прогрессивная интеллигенция Китая, работавшая на осуществление социальных, экономических и политических преобразований в стране, также были подвержены влиянию националистических, идеалистических, анархических идей, как и крестьянскому революционаризму, гильдейскому социализму и синдикализму. В 1920 г. среди новых интеллигентов появляется тенденция поддерживать социалистические идеи без учёта всех идеологических тонкостей данного течения с отрицанием любых проявлений частной собственности. Неизгладимое впечатление на молодежь Китая произвела в это время книга, переведенная на китайский язык, английского автора

Г. Киркапа «История социализма». Характер книги не оставляет сомнений в том, что автор поверхностно разобрался в сущности рассматриваемых вопросов. Он отождествлял идеи Маркса с оппортунизмом, Лассалья с вульгарным экономизмом Робертуса, защищавшего капитализм как якобы по природе коммунистическое общество. Маркс у Киркапа характеризуется гегельянцем, а анархизм называется им «революционным социализмом», которому автор симпатизировал больше, чем марксизму. В книге автор высказал требование очистить марксизм от материализма и некоторых абстрактных элементов и в этом виде рекомендовал его как средство совершенствования человечества [26, р. 407].

Участвующее в дискуссии о социализме среднее поколение интеллигентов находилось под влиянием работ Смита, Бергсона, Шопенгауэра, Ницше, Милля, Монтескьё, Руссо, Вашингтона, Гексли, Спенсера, Бакунина, Кропоткина, Дьюи и Рассела. Первые марксисты, прогрессивные мыслители Китая прошли через полосу увлечения теориями либерально-буржуазного демократизма, эволюционизма и социал-дарвинизма, прагматизма и позитивизма, реализма и интуитивизма. Иногда идеи подавались в самом неожиданном сочетании: неокантианство, мальтузианство, позитивизм, нищезанство и анархизм были взяты на вооружение реакционной группой сторонников становления Китая, которые отстаивали возрождение традиционных феодальных учений, политических канонов и моральных кодексов конфуцианской теологии. На основе овладения ими и на подобной философско-теоретической основе завоеваний западноевропейской и американской науки предлагалось установить демократический социальный строй и избавить Китай от вековой отсталости.

Другими словами, марксизм в тот период являлся одним из идеологических направлений «ста соперничающих школ» и на первых порах ещё не занимал господствующего положения [4, с. 77]. Китайские бонзы «боялись окончательно бросить китайскую общественность в объятия большевизма». Стремясь снизить интерес к изучению марксизма и опираясь на империалистические круги западноевропейских стран, США и Японии, они повели фронтальное наступление против марксистского учения во всех областях духовной жизни китайского общества, поощряя сближение интеллигенции и имущей части населения с философией западноевропейских стран. Организованное известным политическим деятелем, лидером реформаторского движения Лян Цичао (1873–1929) «Общество новых учений» приглашало известных философов мира для чтения лекций в университетах Китая. В 1920–1922 гг. в Китай были приглашены и активно выступали с лекциями Дж. Дьюи, Б. Рассел, П. Монро, Г. Дрейч, Р. Тагор и др.

Временные успехи в распространении буржуазных учений в Китае объяснялись упадническими настроениями китайской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, разочарованной неудачей Синьхайской революцией, итогами Парижской мирной конференции, засильем иностранного капитала.

Классовый характер государственной власти, воздействие религиозно-философских традиций, социально-экономическая отсталость, феодальные пережитки в жизни китайского общества тех лет, незрелые общественные отношения — все это во многом объясняет широкое влияние идеалистических философских и социологических школ Запада на умы китайской интеллигенции.

Наибольшее распространение получили позитивизм и прагматизм, а среди немарксистских теорий социализма — анархизм, синдикализм и гильдейский социализм. Следует отметить, что национал-реформизм, мелкобуржуазная утопия, идеология национальной и революционной демократии находили своих последователей, а наличие общих черт давало возможность им соединяться в эклектику, удовлетворяющую различные слои общества. Это хорошо видно при анализе распространения анархизма и гильдейского социализма [18, с. 176; 19].

Объективные предпосылки распространения анархизма — конкретные социально-исторические условия, вызвавшие сильную ненависть к органам феодальной власти, переходный характер общества, господство в экономике мелкотоварного уклада. Концепция «взаимной помощи» Кропоткина, идея «стихийной революции» Бакунина, анархо-синдикализма, анархо-коммунизма и анархо-индивидуализма (с примесью идей Ницше и Штирнера), смесь западных учений с нигилизмом Лао-цзы, Чжуан-цзы и постконфуцианством и, наконец, гильдейский социализм — все эти теории направлялись главным образом против учения о классовой борьбе, особенно против марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата. Данные выступления не обходились без ссылок на «национальные особенности» и «национальные трудности» Китая [6, с. 156, 160].

Субъективные предпосылки распространения этих теорий — это поиски радикальной интеллигенцией новых путей развития общества без феодальных пут и традиций, сопряженные с надеждами объяснить в категориях анархизма новые явления в китайском обществе, рост самосознания, пробуждение индивидуализма, а также вера в то, что борьба с государством обеспечит возможность достичь максимальных результатов в минимальные сроки. По всей видимости «определенную привлекательность таила в себе и форма, в которую был облечен анархизм: абстрактный гуманизм, социалистическая фразеология и, конечно, революционный романтизм. В немалой степени восприятие этой философии облегчалось тем, что она апеллирует скорее к бытовому, чем к научному разуму. Это позволяло проникать в глубины анархизма без специальной теоретической подготовки» [14, с. 192].

К 20-м годам анархизм стал составной частью общедемократического сознания китайских интеллигентов. Идеи анархизма в это время систематически пропагандировали в более чем 70 журналах и других изданиях, выходивших во всех крупных городах Китая. Распространение в европейском анархизме идей синдикализма и гильдейского социализма оказало влияние на китайских анархистов. Все они стремились активно воздействовать на общественную жизнь, на действительность, делали попытку связаться с народными массами, и в первую очередь с рабочим классом. Однако даже при некоторых успехах в руководстве экономической борьбой рабочего класса и некоторой действенности идей анархистов в условиях того времени, у него не было будущего. Слабый, опутанный феодальными пережитками рабочий класс Китая нуждался в сильных защитниках его интересов, а не в поводырях-анархистах. Умеренность и практицизм стали важной особенностью деятельности анархистов, которые по существу занимались просветительской деятельностью и профсоюзами. Но просвещение проникало в среду рабочих крайне медленно,

а забастовки не приносили ощутимых результатов, и анархисты переходили к организации крестьян. Однако к 1920 г. проявилась несостоятельность анархистских принципов абсолютной свободы и равенства. Философские основы анархизма Кропоткина менее всего занимали его китайских поклонников. Они стали уповать на идеализм «требования сердца». Свертывалась деятельность в профсоюзах, организованным формам борьбы противопоставлялось индивидуалистическое настроение одиночек. Лучшие представители анархистского рабочего движения под влиянием логики классовой борьбы стремились к сближению с коммунистами, а анархо-синдикалистские организации китайских рабочих перестали удовлетворяться только экономической борьбой. Коммунисты при критике анархизма стремились, где это было возможно, к союзу с последователями этого учения и использовали их влияние в профсоюзах [14, с. 193, 200, 241, 215].

После 1920–1922 гг., когда борьба с коммунистами обострилась, а улучшение положения рабочего класса исчезло из поля зрения, анархизм утрачивает свое былое влияние среди рабочих. Его сменил гильдейский социализм, который приобрел известность в Китае после лекций Б. Рассела, прочитанных здесь в 1920–1921 гг.

Гильдейский социализм зародился в Англии. Первые работы о нем относятся к 1906 г. и были написаны фабианцами. Его предшественниками были Р. Оуэн, Л. Рёскин и У. Моррис, сформулировавшие идею перенесения форм гильдейского самоуправления в век машин как способ раскрепощения от оков капитализма и машинного производства, которое губит творческие способности человека, обедняет его духовный мир и уродует личность производителя материальных благ. Дальнейшее развитие этого учения было связано с распространением синдикализма, с его идеей боевой профсоюзной организации, использующей стачку и всеобщую забастовку как революционное оружие и стремящейся создать профсоюзное «государство» для руководства промышленностью и всей социальной деятельностью [20, с. 21; 12, с. 42–44].

Возникнув в общем русле английской социалистической мысли гильдейский социализм сначала был в стороне от рабочего движения. Синдикалисты провели ряд стачек, а фабианцы решительно отказывались от них как средства достижения социалистических идей. Падение авторитета фабианства привело «молодых и «левых» социалистов Англии к идее объединения анархо-синдикализма, революционного синдикализма и фабианского «государственного социализма». Возможностью отыскания между ними «единого пути», соединительного «моста», заинтересовался ряд публицистов, видных представителей университетской интеллигенции, принимавших участие в социалистическом движении, таких как Б. Рассел, Р. Тоуни, Г. Брейсфорд, К. Аллен. Первостепенная роль в примирении «революционной» и эволюционной «школ социалистической мысли» отводилась теоретикам гильдейского социализма. Его представители совершенно игнорировали классовый характер государства, изображали его как надклассовый институт в виде «союза потребителей», выражающего интересы всех граждан. Вопрос о классовой борьбе затушевывается, совершенно обходится стороной вопрос о природе капиталистической эксплуатации. Пользуясь революционной фразеологией,

гильдейские социалисты ратовали за установление гармонии интересов всех слоев общества «государственного социализма».

Глубокий анализ реакционной сущности гильдейского социализма дан в «Программе Коммунистического Интернационала», где он расценивается как «своеобразный тред-юнионистский утопический оппортунизм», который «не может не играть антиреволюционной роли» [9, с. 39]. Идеи гильдейского социализма Рассел подробно изложил в ряде работ: «Почему я гильдеец» (1916), «Политические идеалы» (1917), «Индивидуальная свобода и общественный контроль» (1917), «Демократия и прямое действие» (1919), «Новые власти и старые границы» (1919), «Социализм и либеральные идеалы» (1920). Но наиболее значительным произведением является «Дорога свободы: социализм, анархизм и синдикализм» (1918), которое было переведено в Китае к приезду Рассела [2, с. 322–330].

Как до, так и после его приезда в Китае переводится много трудов Рассела по вопросам математики, логики, философских исследований политического и социального развития общества, которые становятся очень популярными среди китайских реформаторов и прогрессивных деятелей. Рассел пробыл в Китае с 12 октября 1920 г. до 10 июня 1921 г. Перед приездом философа в журнале «Синь циннянь» (Т. 8. № 2. 1 окт. 1920 г.) Чжан Суньянь дал краткий очерк философии Рассела и опубликовал пять его статей в переводах: «Сон и действительность», «Труд и материальное стимулирование», «Демократия и революция», «Воспоминания о поездке в Россию», «Научный метод в философии». В третьем номере журнала Чжан Суньянь дал подробный список работ Рассела, опубликованных до июня 1920 г., напечатал его статьи «Возможность преобразования мира», «Самообоснование», вторую часть работы «Демократия и революция». Здесь же помещается статья Ван Сингуна «Анализ логики и мировоззрения Рассела». В четвертом номере журнала опубликована статья «Теория Б. Рассела применительно к Советской России» (написанная американским автором), опубликован перевод двух статей из нью-йоркского журнала «Советская Россия»: «Комментарии на теорию Б. Рассела по отношению к Советской России» и «Б. Рассел — разочарованный путешественник».

Вскоре «Общество новых учений» Лян Цичао совместно с созданным в 1920 г. «Обществом Бертрана Рассела» в Пекинском университете, выпустило «Ежемесячник Рассела» (январь 1921 г.). Философия Лао-сы (так называли Рассела в Китае), по сравнению с другими западными мыслителями, оказала глубокое воздействие на молодежь периода «4 мая». Ван Сингун писал, что Рассел отстаивал ту точку зрения, что «философия не зависит от результатов развития науки, потому что она не берет за основу своих исследований материал науки. У философии своя сфера деятельности». Пересказывая основные положения неореализма, он в заключении пишет, что его философия «не ставит своей целью достижение какого-то богатства или счастья, она призвана помочь людям разобраться в этом простом и одновременно сложном окружающем мире»*. Эта оценка философии Рассела (её он противопоставляет тезису Маркса

* Ван Сингун. Анализ логики и мировоззрения Рассела / пер. с китайского Е. Н. Семикова // Синь циннянь. — Т. 8. — № 3 (1 ноября 1920 г.). — С. 1, 6.

о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его») выражала общую направленность теоретической и практической деятельности неореалиста в Китае, высоко оцененную его поклонниками в Китае.

Рассел прибыл сначала в Шанхай, за несколько дней посетил Ханьчжоу, Нанкин, Ханькоу, Чанша, Хунань. Почти везде он читал лекции, давая свою интерпретацию теории Эйнштейна, пропагандировал педагогические и политические идеи. Особенно яркими были лекции философа, прочитанные в Чанша (4 лекции — 4 речи за 24 часа), где он встречался с Дьюи. Английский мыслитель ратовал «за коммунизм, но против диктатуры рабочих и крестьян», критиковал практику управления страной русскими коммунистами; разъяснял реформистскую концепцию социализма и утверждал, что «просвещение может повысить сознательность имущих классов, избежать войн и революций» [4, с. 108]. Эти лекции мыслителя вызвали среди китайских интеллигентов и членов созданного в сентябре 1920 г. Мао «Общества изучения марксизма» горячие споры и дискуссии.

В Национальном университете Пекина Рассел читал лекции по философии, политологии, атеизму, этике, гильдейскому социализму, большевизму, по логике и философии математики. Кроме того, он вел семинар для студентов с повышенным уровнем знаний. «Все они были большевиками, кроме одного — он был племянником императора, — писал он. — Обычно они один за другим ускользали в Москву. Это были очаровательные юноши, наивные и умные одновременно, жаждущие познать мир и избежать сетей китайских традиций» [28, р. 182]. Рассел прочитал пять курсов лекций в университете: математическая логика, анализ мышления, анализ материи, проблемы философии, организация общества.

Лекции мыслителя дали первый толчок к развитию атеистического движения в Китае. Все его лекции, вошедшие в специальное издание «Проблемы Китая», были изданы в «Шаонянь Чжунго» в 1921 г. При этом Рассел проводил реакционную идею, выдвинутую им еще в «Германской социал-демократии» (1896), что марксизм является якобы разновидностью религии.

Самое заметное влияние на китайскую интеллигенцию оказали лекции Рассела по гильдейскому социализму. Этот «социализм» был по существу вариантом либерально-буржуазной теории «классового мира» и находил определенную почву в китайской действительности. Опыт политической и экономической борьбы китайских рабочих к началу 20-х годов был незначителен. Рабочие не имели своих классовых организаций. Наряду с другими классами и группами городского населения они входили в традиционные, издавна существовавшие в Китае объединения: цехи, гильдии, землячества, тайные общества. Эти объединения не выражали интересов рабочих и обычно были в подчиненном положении у их имущих членов. Поскольку денежные средства этих организаций состояли из членских взносов, то вносявшие большие суммы — хозяева, мастера, приказчики — играли в них руководящую роль. Гильдии, распространенные в торговле и ремесле, имели цеховой характер, они охраняли интересы данной профессии или торговли в целом, объединяя рабочих мастеров и предпринимателей. Членство в гильдиях было добро-

вольным, но в силу традиций и полного политического бесправия каждый рабочий ремесленного производства стремился быть членом гильдии. Через гильдию рабочие устраивались на работу, ремесленники получали разрешение на открытие своей мастерской, гильдия обеспечивала своих членов средствами на проведение семейных ритуалов. Она регулировала трудовые отношения, в том числе определяла величину заработной платы, продолжительность рабочего дня и т. п. В условиях политической и экономической децентрализации Китая гильдии играли значительную роль и являлись последней инстанцией, где разрешались конфликты в области труда [1, с. 117–118].

Поскольку разделение на профессии в Китае было значительным, то гильдии не были особенно крупными организациями, а на практике часто сливались с землячествами. Однако после Синьхайской революции появляются тенденции выделения рабочих из подобных организаций. Начавшийся распад старых гильдий привел к бурному развитию профсоюзного движения, которое началось с 1921 г. В ходе нараставшей классовой борьбы при распаде гильдий стремительно возникали два антагонистических объединения — ассоциация предпринимателей и рабочий союз [5]. Китайская буржуазная интеллигенция, убедившись в период движения «4 мая» в силе трудящихся масс, стремилась направить их недовольство в русло создания союза с предпринимателями во имя развития национальной промышленности и национального капитала. Наиболее подходящим мировоззрением для этого был, несомненно, гильдейский социализм. Возникшие ещё раньше «Общества промышленного развития», полурбочие по составу, продолжали множиться, поскольку в какой-то мере они стремились к улучшению жизни рабочих и, по свидетельству исследователей, добивались некоторых успехов в Шанхае, Гонконге и других городах [23, с. 220]. Их сторонники считали, что «для спасения Китая есть всего один путь — увеличение богатства», которое возможно «лишь с помощью развития производства». Провозглашая своей конечной целью социалистическое общество, они пытались доказать, что в Китае сначала должен развиваться капитализм. В целях примирения рабочих с капиталистами они утверждали, что, пока рабочие в Китае «не превратились в сильный класс», они должны опираться в борьбе за свои права на помощь и поддержку капиталистов [14, с. 203–204].

Сторонники гильдейского социализма из среды партии «Возрождение» (Цзин-бу дан) и «Общества по изучению гильдейского социализма» (1920) Го Мэн-лян и Сю Люй-ци считали, что «любой народ больше тяготеет к труду и мирному существованию, нежели к чему-нибудь ещё, а капитализм как раз и является наиболее приемлемым в достижении всего этого, даже если это будет несправедливо по отношению к рабочим. Поэтому они предполагали, что локальный капитализм или кооперативизм, находясь в нынешней стадии развития, можно попробовать установить. Когда же капитализм полностью достигнет своего расцвета, а рабочий класс окрепнет, то народ тогда сам откажется от социализма. Для настоящего момента более важным является сопротивление контролю международного капитализма» [25, р. 236]. Такие взгляды в некоторой степени были сходны с аргументами легальных марксистов России, таких как П. Струве и М. Туган-Барановский, в конце XIX в., которые

появлялись в различных вариациях в статьях, публикуемых органом партии «Возрождение» — «Реконструкция» (Гай-дзао) — в начале 1921 г.

С подобными взглядами, несколько напомилавшими и его собственные, встретился английский философ по прибытии в Китай. Лекции и статьи Рассела, опубликованные с октября 1920 г. по июль 1921 г. в прогрессивной китайской печати, пользовались большой популярностью. Расселу предоставили возможность свободно печататься, ему даже содействовали в публикации статей и речей. Например, табачная кампания в Шанхае помогала печатать речи, которые, как говорил Ли Цзи, «вводят в заблуждение молодежь и создают помехи на пути развития социалистического движения в стране»^{*}. Под влиянием лекций Рассела лидеры либерального реформаторского движения Чжан Дунь-сунь и Лян Ци-чао выступили с развернутой критикой идеи социализма, что знаменовало собой начало «дискуссии о социализме». Они считали, что в Китае невозможно создать пролетарское государство, ибо нет никакой почвы для социальной революции: социальная революция возникает на основе неравенства в распределении богатства, а Китай — бедная и нищая страна, где нет классов и неравенства. Надо ждать, не торопиться с идеями социализма, пока не возникнут в стране классы и классовая борьба [3, с. 31–42].

Китайскую интеллигенцию подкупало демонстрируемое Расселом уважение к китайской культуре: в своих выступлениях он восхищался китайской поэзией, демонстрировал свое увлечение учениями Лао-цзы, Чжуан-цзы и Конфуция, которых часто цитировал, говорил, что страна «запоздала в экономике, но не в культурном отношении» и нуждается в хорошем правительстве с «государственным социализмом, или, как его называет Ленин — государственным капитализмом», тогда Китай мог бы иметь большие выгоды и преимущества [28, р. 246]. Молодежь в его лекциях подкупало то, что о событиях в России он отзывался с известной долей симпатии, открыто и публично поддерживал некоторые идеи коммунизма, признавал достижения экономики большевистской России на практике, восхвалял успехи России в области установления равноправия, обращаясь ко всем странам с просьбой о помощи в продолжении начатого дела в России. Он заявлял: «К тому же, я думаю, что каждая цивилизованная страна в мире должна провести эксперимент с применением этой прекрасной новой доктрины»^{**}. Более того, он считал, что большевизм, опыт русских большевиков имеют огромное значение для будущего развития мира — большее, чем, например, деятельность французских якобинцев. «Я убежден, — говорил он, — что социалисты всего мира должны поддерживать большевиков и сотрудничать с ними»^{***} [3, с. 32].

Что касается экономической системы страны, то Рассел был сторонником любого строя в Китае, но отличающегося от советского. Согласно его взглядам, большевизм в Китае неприемлем и неосуществим, ибо он требует строго централизованного государства, а Китай — слабая страна, имеющая тенденцию к децентрализации; большевизм якобы ограничивает свободу лич-

^{*} Ли Цзи. Социализм и Китай // Синь циньянь. — Т. 8. — № 6. — С. 2.

^{**} Рассел Б. Большевистская мысль: Лекция // Ежемесячник Рассела. — № 1 (январь 1921). — С. 11.

^{***} Рассел Б. Демократия и революция // Синь циньянь. — Т. 8. — № 2. — С. 8.

ности, тогда как в Китае свобода развита исключительно высоко; марксисты встают против частного предпринимательства, которое является символом жизни для всех китайцев, кроме интеллигентов.

Псевдообъективная оценка советского строя и заявления о самобытности Китая производили впечатление на умы китайской молодёжи. Рассел неоднократно говорил, что Китай должен сам найти свой путь, что только сами китайцы могут прийти к правильному выбору пути развития государства и только своими собственными силами они должны быть спасены, нельзя полагаться всецело на внешнюю помощь. Пропаганда индустриализации с сохранением спокойного и миролюбивого китайского характера подводила к вопросу о трудности и даже невозможности осуществления на практике советов Рассела. Его пропаганда напоминала концепцию «Китайское — за основу, а западное — в практику», которая проповедовалась некоторыми китайскими интеллектуалами в конце XIX века, но была отвергнута большинством новой интеллигенции в период движения «4 мая». Она была близка и взглядам Дьюи и его последователей. Дьюи говорил, что эта идея была принята в Японии и дала катастрофические результаты, потому что там был сохранен традиционный японский милитаризм [25, р. 237–238].

Рассел в беседе с китайскими экономистами говорил, что есть три возможных пути развития промышленности: перейти под контроль капиталистов, либо государства, либо рабочих. Но рабочие в Китае необразованны и не организованы для того, чтобы справиться с управлением экономикой страны — до тех пор, пока не будет достигнута политическая демократия в Китае. И хотя Рассел считал государственный контроль над экономикой самым лучшим, но надежнее был бы контроль со стороны национального частного капитала^{*}.

Один из первых китайских коммунистов, Чжан Тай-лэй, присутствовавший на одной из лекций Рассела, писал, что лектор призывал аудиторию устремить свои силы на насаждение грамотности среди народных масс, ибо оно может дать ощутимые результаты в области развития политической сознательности народа; на получение технических знаний в Европе, организацию кооперативных товарищеских артелей, создание собственных, на европейский лад организованных, крупных и малых китайских предприятий. При этом философ утверждал, что передовым и самым полезным классом современного общества является «умственный пролетариат», а рабочие являются «вспомогательной силой общественного прогресса» [23, с. 196].

Рассел понимал, что все достоинства китайского характера и цивилизации, которые он выделяет, не способствуют образованию решительного правительства и предлагаемой им организации стройной экономической системы. Все понимают, говорил Чэнь Ду-сю в письме на имя Рассела, что в Китае необходимо развивать просвещение и промышленность. Спор идет о том, какими методами достичь прогресса страны: с помощью капитализма или социализма^{**}. Кооперативный социализм Рассела в обстановке тогдашнего

^{*} Ян Туань-лю. Поговорим с Расселом // Синь циннянь. — Т. 8. — № 4 (дек. 1920).

^{**} Чэнь Ду-сю. Относительно дискуссии о социализме // Синь циннянь. — Т. 9. — № 3 (1 июля 1921 г.). — С. 8.

Китай, даже занимая благоприятную для пролетариата позицию, решал бы второстепенные вопросы в развитии китайской национальной промышленности. Тем не менее точка зрения Рассела в несколько измененном виде была принята китайскими консерваторами и сторонниками традиционного взгляда на историю и развитие Китая [25, р. 238]. К тому же он и сам понимал, что выступать против марксизма в то время — значит «играть на руку реакции» [28, р. 177]. Тем более, что его точка зрения не совпадала с точкой зрения марксистов и прогрессивной интеллигенции, пытавшихся в полемике с противниками доказать беспочвенность утопического гильдейского социализма, призванного отвлечь рабочий класс от борьбы за социалистическое будущее Китая, увести его в мир социальной утопии.

Первые марксисты Китая во главе с Ли Дачжао убедительно показали вредность и реакционность идей традиционалистов, реформистов, анархистов, гильдейских социалистов и т. п. для подлинного развития Китая на пути построения социализма. Трудно сказать, сколько бы длились попытки марксистского осмысления этих вопросов, если бы не исторический пример Октября, его опыт и активное содействие Коминтерна, позволившие лучшим представителям демократической интеллигенции, стремившейся к марксизму, создать коммунистическую партию. Конечно, коммунисты Китая еще должны были «уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому своеобразию отношений между классами и партиями, к тому своеобразию в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать» [11, с. 74].

Компартия Китая за сто лет вывела страну в мировые лидеры. В начале 20-х годов партия росла вместе с подъемом рабочего движения. Контрреволюционный переворот Чан Кайши привел к разгрому рабочего движения и партии. Испытанные кадры, несшие идеи марксизма и связанные с рабочими, погибли. Партия перенесла центр деятельности в глубинные районы. В течение 22-летнего периода она была оторвана от промышленных и культурных центров. Кадры партии варились в крестьянском котле. К моменту провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. из 7 млн членов партии в её составе было всего 4% рабочих. Мелкобуржуазная стихия сказывалась на её составе, а усвоение реакционных и утопических идей стало источником многих ошибок правооппортунистического и левацкого характера [10, с. 18–19]. Псевдореволюционность и субъективизм, тактика пассивного выжидания «великих дней» при неумении собирать силы, созидающие великие события, и индивидуалистические идеалы анархизма во всех его формах составляли прямую противоположность социализму, были обращением к прошлому буржуазного строя, но не к его будущему.

Изучение развития социалистических идей в Китае не может исключить необходимость исследования сегодняшних событий китайской жизни во всей их конкретности. Знание и понимание значения исторического прошлого, истоков нынешней ситуации позволяет нам лишь глубже постичь то, в столкновении с какими идеями и какими путями происходило развитие теории и практики, обеспечивших выход Китая на первые позиции среди ведущих государств мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акатова Т. Н. Особенность формирования рабочего класса в Китае // Движение «4 мая». — М., 1971. — С. 117–118.
2. Асланова М. А. Д. Дьюи и Б. Рассел на страницах журнала «Синь циннянь» // VII НК ОГК. — 1976. — Ч. 2. — С. 322–330.
3. Делюсин Л. П. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. — М., 1970.
4. Дин Шоухэ, Инь Сюйи, Чан Бочжао. Влияние Октябрьской революции на Китай. — М., 1959.
5. Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. — М., 1952.
6. Евгенийев А. Г. Начало распространения марксизма в Китае и борьба первых китайских марксистов с анархистами // Движение «4 мая». — М., 1971. — С. 150–175.
7. Завадская Е. В. Живопись гохуа в первой четверти XX в. // Движение «4 мая». — М., 1971. — С. 285–294.
8. Китайские социальные утопии. — М.: Наука, 1987.
9. Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. — М.: Партиздат, 1933.
10. Лейбзон Б. М. Мелкобуржуазный революционаризм. — М., 1967.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 41.
12. Мочалов Л. В. Марксистско-ленинская оценка фабианского социализма. — М.: МГУ, 1976.
13. Попова Е. П. Китайский вопрос на Версальской конференции // Движение «4 мая». — М., 1971. — С. 37–51.
14. Стабурова Е. Ю. Анархизм и рабочее движение в Китае в начале XX века // Китай: государство и общество. — М., 1977. — С. 449–459.
15. Сунь Ятсен. Избранные произведения. — М., 1964.
16. Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. — М., 1930. — Кн. 1.
17. Сухарчук Г. Д., Непомнин О. Е. Китайская буржуазия и иностранный капитал в годы первой мировой войны и «движение 4 мая» // Движение «4 мая». — М., 1971. — С. 52–75.
18. Троицкий Е. С. Немарксистские концепции социализма и борьба за общественный прогресс в странах Азии и Африки. — М., 1974.
19. Ульяновский Р. О. О марксистском отношении к немарксистскому социализму в развивающихся странах // Проблемы мира и социализма. — 1971. — № 9.
20. Фонер Ф. История рабочего движения в США. — М., 1969. — Т. IV.
21. Хорос В. Г. Народничество вчера и сегодня // Вопросы философии. — 1971. — № 10. — С. 173–179.
22. Чжан Юньхао. Распространение философских произведений Ленина // Вопросы философии. — 1960. — № 4.
23. Шумяцкий Б. Из истории комсомола и компартии Китая // Революционный Восток. — 1928. — № 4–5. — С. 213–215.
24. Цюй Цюбо. Очерки и статьи. — М., 1959.
25. Chow Tse-tsung. The May Fourth Movement, Intellectual Revolution in China. — Cambridge; Massachusetts, 1960.
26. Kirkup T. A. History of Socialism. — L., 1920.
27. Russell B. The Problem of China. — L., 1922.
28. Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell. — L., 1968. — Vol. 2.